

«Слово о полку Игореве» в основном посвящено походу князя Игоря Святославича Новгород-Северского, предпринятому им в 1185 г. против половцев.

Игорь Святославич родился в 1151 г., он был вторым сыном Святослава Ольговича Черниговского и внуком знаменитого своими усобицами с Владимиром Мономахом Олега Святославича, иронически прозванного автором «Слова о полку Игореве» «Гориславичем». Отец Игоря Святослав Ольгович был одно время (с 1136 по 1138 г.) князем Новгорода Великого и здесь женился на новгородке — будущей матери Игоря Святославича.

Ко времени похода Игоря Святославича 1185 г. у него было уже трое сыновей: Владимир, Олег и Святослав. Летопись отмечает, что старший сын Владимир родился в 1172 г. Однако дата эта вызывает сомнение: в 1185 г., когда Владимир принимал деятельное участие в походе Игоря, ему вряд ли было только 13 лет. В 1187 г. он вернулся из плена с женой — дочерью хана Кончака «и с дитятем».

Все эти три сына были у Игоря от его первой жены.

Ярославна — дочь могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла — была второй женой Игоря. Он женился на ней за год до похода — в 1184 г.

Святослав Всеволодович Киевский приходился Игорю двоюродным братом. Игоря Святослав называл «сыном» — как старший на лестнице феодального подчинения.

Ко времени похода 1185 г. у Игоря был только один брат — Всеволод Святославич «Буй Тур», князь курский и трубчевский. Он был моложе Игоря девятью годами (родился в 1160 г.); во время похода на половцев ему было 25 лет.

Обстоятельства похода сложились следующим образом. С 70-х годов XII в. половцы усиливают свой нажим на южные и юго-восточные окраины Русской земли. Страх, нагнанный на половцев глубокими степными походами Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, прошел. Половцы тревожат Русь непрерывными набегами; начинается, по выражению летописца, «рать без перерыва».

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Этот хан Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражение своего деда Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г., и своего отца хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в «Обезы» (в Абхазию). Половецкие войска объединяются и получают оружие для осады городов. В их армии появляется и «греческий огонь», которым стрелял какой-то «басурманин», и огромные, передвигающиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало более 50 человек.

Разрозненные русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников.

Архангел Гавриил. Деталь иконы «Благовещение Устюжское» из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. 1119 — начало XIII в.

Под влиянием половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности монголо-татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI в. — объединительную политику Киева. Носителями идеи объединения были прежде всего демократические слои русского населения. Однако идеи эти находят теперь деятельную поддержку и в среде князей.

Действительно, в 80-х годах XII в. делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей.

Сами ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой «Слова о полку Игореве» — ольгович Игорь Святославич Новгород-Северский,

Вначале Игорь — типичный ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 г.), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 г. половцы энергично помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Любопытно, что поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможеть бог Руси и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганья победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.)

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. По-видимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении киевском главу ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае, в ближайшие годы Рюрику и

Святославу удается широко организовать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Перед нами политические декларации, облеченные в свойственные тому времени религиозные формы. На поле битвы, когда его уже пленили и связали половцы, Игорь вспоминает всю свою прежнюю деятельность. «Помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох крестьян, но взях на щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подьяша безвиннии крестьяни, отлучаеми отец от рожений (т. е. детей) своих, и дщери от матерей своих, и подруга от подруги своя, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшею, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святей огнем от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Несмотря на то что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника Кончака. В 1183 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Было взято 700 пленников, захвачены военные машины, отбиты русские пленники, попал в плен хан Кобяк Карлыевич. В этом походе Игорь не участвовал. Он ходил са-

Архангел Гавриил. «Ангел Златые власы». Начало XII — начало XIII в.

мостоятельно и разбил половецкого хана Обовла Костуковича. В 1184 г. Святослав с русскими князьями вновь разбивает половцев. Захвачен был в плен «басурманин», стрелявший «живым огнем». Половцы были устрашены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не мог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть вовремя. Когда Игорь, несмотря ни на что, хотел все же идти на соединение со Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: «Княже! потьскы (по-птичьи) не можем перелетети; се приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам идет в неделю (в воскресенье) ис Кыева, то како можеши, постигнути?»

По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу; ему не уда-

лось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Вот почему в следующем, 1185 г., очертя голову, «не сдержав юности», бросается он в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, Игорь ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу («Гориславичу»); он решается дойти до берегов Черного моря, уже почти сто лет закрытого для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, трагизма, приковавшего к нему внимание и автора «Слова», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

И вместе с тем поход Игоря Святославича ярко показал невозможность действовать против половцев в одиночку. Только объединенные походы русских князей могли иметь успех. Поход Игоря Святославича именно поэтому встретил осуждение и у Святослава Всеволодовича Киевского, и у летописцев. В Киевской летописи это осуждение выражено более мягко, во Владимирско-Суздальской — более резко. Поход Игоря свел на нет результаты предшествующего победоносного похода объединенных русских сил под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского.

На примере несчастного похода Игоря Святославича автору «Слова» было очень удобно показать последствия от-

сутствия единения между русскими князьями, призвать их к согласованному отпору врагам Руси.

●
Поход Игоря Святославича 1185 г. рассказан в двух летописях. Более обширный рассказ сохранился в Ипатьевской летописи (он составлен южным летописцем), другой — более сжатый — в Лаврентьевской (он составлен во Владимире Суздальском). Но и тот и другой не изначальны: в обоих есть некоторые небольшие общие части, восходящие к не дошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского. Поход Игоря Святославича из-за своих несчастных последствий привлек к себе всеобщее внимание. Вот как на основании рассказов летописей можно себе представить поход Игоря.

Не уведомив своего феодального главу Святослава Всеволодовича, 23 апреля 1185 г., во вторник, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев (осевших в пределах русских княжеств кочевников), выступили в далекий степной поход на половцев без участия и согласия киевского князя Святослава. Откормленные за зиму тучные кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. Он сказал боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь сказал на это: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не вест, а знамению творец бог и,

всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Сказав так, Игорь переправился через Донец. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали вперед ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться, «яко не наше есть веремья», т. е. не время для похода. Но Игорь сказал: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущен смерти, но како ны бог дасть». Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день в обеденное время (в Древней Руси оно было ранним) русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той же стороне реки Сюурлия.

Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, а потягнемь». Посредине стал полк Игоря, по правую руку от него — Буй Тура Всеволода, по левую — полк игорева племянника Святослава Рыльского. Впереди стал полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев под предводительством Ольстина Олексича. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, вышли на самый перед. Половцы выстроили своих стрельцов. Дав залп из луков («пустивше по стреле»), половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок сво-

их полков. Половцы пробежали через свои вежи. Русские овладели их вежами и захватили большой полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась с полонном.

Когда все собрались, Игорь стал говорить, чтобы поехать в ночь, но Святослав Рыльский сказал дядьям своим: «Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехать, то толико ми будеть на дорозе остати». Решили ночевать на месте.

Не сочувствующая ольговичам Лаврентьевская летопись говорит, что войска ольговичей стояли на половецких вежах три дня, «веселясь», и передает похвальбу, якобы ими произнесенную: «Братья наша ходили с Святославом великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль (т. е. недалеко от Переяславля), а они (половцы) сами к ним пришли, а в землю их (половецкую) не смели на них ити. А мы в земле их есмы, и самех избили, а жены их полонены, и дети у нас, а ноне поидем по них за Дон и до конца избьем их. Оже ны будеть ту победа, идем по них к луку моря (до Азовского лукоморья), где же не ходили ни деди наши. А возьмем до конца свою славу и честь». Ипатьевская летопись рассказывает события, случившиеся после первой победы, иначе. Не через три дня, а на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, неожиданно половецкие полки «ак борова» (подобно лесу) стали наступать на русских.

«Слово о полку Игореве» дважды упоминает, что в этой битве на русских дул противный южный ветер, создававший преимущество для половецких лучников. По наблюдениям метеорологов, эти южные ветры типичны для этой части степи весной и летом.

Вскоре небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Русские князья не знали, кому куда выезжать: так много

было врагов. Игорь ободрил всех, сказав: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Етебича, и Терьтробича». Князья решили драться до последнего. Речь Игоря перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о «черных людях»: «оже погибнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на едином месте». Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивалось небольшое русское войско к Донцу. В бою Игорь был ранен в правую руку, и была большая печаль в полку его. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими признанным, но не мог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами.

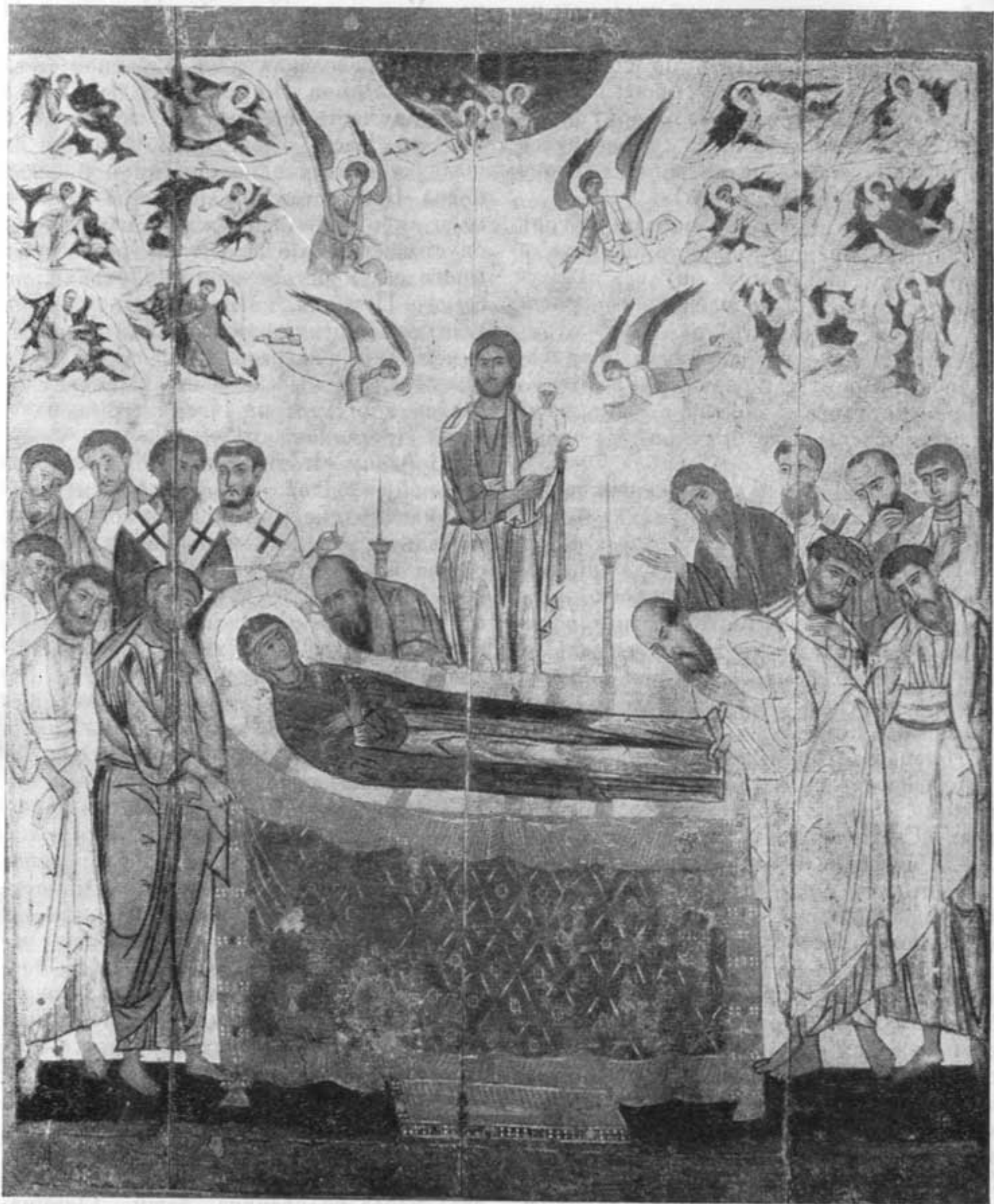
Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели. Как говорит летописец, Игорь после рассказывал, что вспомнил он тогда грехи свои перед богом, кровопролития, сделанные им в Русской земле, когда взял приступом город Глебов, отцов, разлучаемых с детьми, братьев, дочерей, оторванных от матерей, подруг, раненых мужчин и оскверняемых женщин. «Где ныне возлюбленный мой брат (Всеволод)? — говорил Игорь. — Где ныне брата моего сын? Где

чадо рожения моего? Где бояре думающие, где мужи храборьствующие, где ряд польчный? Где кони и оружья многоценная? Не отъто всего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в руки безаконным темь? (т. е. половцам)». Всеволод, несмотря на мужественное сопротивление, также был взят в плен. Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За Игоря поручился сват его Кончак. Из всего русского войска спаслось только 15 человек, а ковуев и того меньше. Прочие же потонули в море¹.

В то время Святослав Всеволодович Киевский шел в Корачев и собирал воинов в верхних землях, намереваясь вместе с ростиславичами идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути у Новгорода Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев — и не любо ему стало это. Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, прибежал Беловолод Просович и поведал ему о поражении Игоря. Святослав, услышав это, глубоко вздохнув, утер слезы и сказал: «О любя моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всем. Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игорю брате моемь». Это и есть «злато слово со слезами смъшено» князя Святослава. «Слово о полку Игореве» передает его несколько иначе, но самый смысл его и тон скорбного упрека в летописи и в «Слове» одинаковы.

В этом «злате слове» Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав «притомил поганых» в своем походе 1184 г., но Игорь, «не сдержав юности», свел на нет результаты

¹ «Морем» в летописи могло быть названо и озеро, большое пространство воды.

Успение. Икона из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде.
Конец XII — начало XIII в.

победы — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга (беда) распространились по всей Русской земле. «И не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, — говорит летописец, — но мнозе тогда отрекахутся душъ своих жалующе по князих своих (досадуя на своих князей)».

«Поганые» половцы, победив Игоря с братнею, «взяша гордость велику» и собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел идти на Киев отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 г., а Гзак предлагал пойти на Семь, «где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же города без опасы». И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерз и крепок к рати», выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился с врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отбили князя. Владимир из города послал сказать к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Се половьци у мене, а помозите ми». Святослав послал к Давыду, который стоял у Треполя со своими смольнянами. Смольняне стали вечем и сказали: «Мы пошли до Киева; да же бы была рать, бились быхом (мы пошли к Киеву; если бы встретили врага, то и бились бы); нам ли иное рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемогли». На эту распрю намекает «Слово о полку Игореве»: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, но розно ся имъ хоботы (полотнища стягов) пашуть (развеваются)».

Святослав с Рюриком отправились по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обрат-

но. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили Римов. Во время осады Римова рухнула часть стены (две городни) с людьми. Часть осажденных вышла на вылазку биться с половцами и избежала плена. Всех остальных половцы взяли в плен либо избили. Между тем хан Гзак опустошил землю вокруг Путивля, сжег много сел и острог вокруг Путивля, но самого Путивля, который был хорошо укреплен деревянными стенами на высоких земляных валах, взять не смог. В этом Путивле, как мы знаем из «Слова», спасалась в отсутствие Игоря его жена — юная Ярославна.

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. Игорь ездил на ястребиную охоту со своими слугами и даже вызвал к себе из Руси священника для отправления церковной службы.

Половец Лавр, судя по имени крещеный, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленных.

Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолясь и взяв с собой крест и икону, Игорь поднял полу половецкой вежи и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и тайно проехал через половецкие вежи. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони.

